

В. Г. Белинский

**Гамлет, принц
датский... Сочинение
Виллиама Шекспира...**

Виссарион Белинский
Гамлет, принц датский...
Сочинение Виллиама Шекспира...

«Public Domain»

1838

Белинский В. Г.

Гамлет, принц датский... Сочинение Виллиама Шекспира... /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1838

«В статье о «Гамлете» Шекспира и об игре Мочалова в роли Гамлета я хотел вполне представить судьбу, в нашем отечестве, одного из величайших созданий величайшего драматического гения. Игра Мочалова и ее действие на московскую публику были главным предметом, главной, основною мыслию моей статьи. Но, кроме того, я почел еще нужным и рассмотреть критически, как умел и как мог, самую пьесу...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Виссарион Григорьевич Белинский

Гамлет, принц датский...

Сочинение Виллиама Шекспира...

Гамлет, принц датский. Драматическое представление. Сочинение Виллиама Шекспира. Перевод с английского Николая Полевого. Москва. 1837.

В статье о «Гамлете» Шекспира и об игре Мочалова в роли Гамлета я хотел вполне представить судьбу, в нашем отечестве, одного из величайших созданий величайшего драматического гения. Игра Мочалова и ее действие на московскую публику были главным предметом, главной, основною мыслию моей статьи. Но, кроме того, я почел еще нужным и рассмотреть критически, как умел и как мог, самую пьесу, и не только разобрать, но и сравнить перевод г. Полевого с переводом г. Вронченки. Но так как статья моя вышла чрезвычайно велика, то разбор перевода не мог войти в нее, и потому я решился посвятить ему особенную статью, которая здесь и предлагается на суд читателей.

Всякий предмет человеческого знания имеет свою теорию, которая есть сознание законов, по которым он существует. Сознать можно только существующее, только то, что есть, и потому, для создания теории какого-нибудь предмета, должно, чтобы этот предмет, как данное, или уже существовал, как явление, или находился в созерцании того, кто создает его теорию. Некоторые утверждают, что будто в Германии теория искусства предупредила само искусство, что оно было там результатом теории и что, наконец, такова же должна быть участь искусства и у нас в России^[1]. Мысль очевидно ложная: не входя в дальние рассуждения, со можно опровергнуть самыми фактами. В Германии эстетика, будучи многим одолжена поэту Шиллеру, одолжена еще более философам Шеллингу и Гегелю, из которых первый еще жив, тогда как уже не осталось в живых ни одного из великих ее поэтов, ни представителя их Гете. И не могло быть иначе, потому что если сознание предмета не дается самим этим предметом, то пробуждается им. Теперь, что бы могло возбудить в немцах стремление к сознанию изящного, если у них еще не было образцов изящного? – Искусство древних! Но интересу, который должно было возбудить в них древнее искусство, должен был предшествовать интерес, возбужденный к своему родному искусству. Понимать древнее искусство можно только объективно, а объективности непременно должна предшествовать субъективность, иначе эта объективность будет уродливая, бесплодная. Пример французов лучше всего доказывает эту истину: не имея своей литературы, они имели понятие о греческой, хотя и не понимали ее; захотели свою создать по ее образцу – и вышла нелепость. Вся ошибка в том, что они поняли греческую литературу субъективно, то есть поняли ее как французы и поняли ее как бы свою, французскую литературу, а не объективно, то есть не так, как бы должны были французы понять чужую литературу, в духе и жизни того народа, которому она принадлежала.

Мы могли бы привести и еще много доказательств и примеров, что теория всего того, чего нет, что не существует, не имеет цены, достоинства – даже мыльного пузыря. Если же предмет теории находится, как данное, только в созерцании автора теории, то как бы ни верно было его созерцание, его теория будет понятна только для одного его. В обоих случаях отсутствие предмета теории уничтожает возможность всякой теории. Если у иностранцев есть превосходные переводы – нашей публике от этого не легче, и тайна переводов на русский язык для

[1] Это утверждение С. П. Шевырева, содержащееся в его статье «О критике вообще и у нас в России» («Московский наблюдатель», 1835, ч. I, апрель, кн. I, с. 197–198), Белинский оспорил еще в 1836 г. в статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (см. наст. изд., т. 1, с. 259–260, 272–275).

нее должна остаться тайною до тех пор, пока какой-нибудь талантливый переводчик самым делом не покажет, как должно переводить с того ли или другого языка, того или другого поэта. Жуковский давно уже показал, как должно переводить Шиллера (особенно переводом «Орлеанской девы») и Байрона (переводом «Шильонского узника»). Теперь это вопрос решенный; дорога проложена, и продолжателям предоставлена возможность даже дальнейших успехов. Но в литературе нашей возник новый вопрос, и уже давно: вопрос – как должно переводить Шекспира? Г-н Вронченко первый начал переводить Шекспира с подлинника;^{2}

^{2} До М. Вронченко переводы пьес Шекспира делались в основном с французских переделок Ж.-Ф. Дюси (см. прим. 46 к статье «Гамлет», драма Шекспира...). Вронченко начал с перевода «Гамлета» (СПб., 1828). Затем в переводе Вронченко вышел «Макбет» (СПб., 1837). Вронченко также работал над переводом «Короля Лира» (частично напечатан в «Московском телеграфе», 1832, № 20, с. 472–523).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания